

УДК 811.221.18

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-1-87-92

M.T. Худалова

Концепт *маст исын* (мстить) в осетинской языковой картине мира

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова;
Россия, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46; marihudalon@mail.ru*

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования универсального и этнокультурного содержания эмоционального поведенческого концепта *маст исын* (мстить) и связанного с ним понятия *туг исын* (мстить по обычая кровной мести) в осетинской языковой картине мира. Они рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте как элемент ценностно-нормативной установки культуры, закрепленный в национальном самосознании и коммуникативном поведении осетин. Автор раскрывает сущность концепта с этической, социальной и лингвистической точек зрения, описывает репрезентации в устно-разговорной речи, языке художественных и фольклорных текстов. *Маст исын* (мстить) – один из базовых культурных концептов, в содержании которого можно найти связь национального самосознания, языка и культуры народа, а также свойственные другим языкам признаки. Выявлены специфичность содержания концепта *маст исын* (мстить) и связанного с ним понятия *туг исын* (мстить по обычая кровной мести) в осетинском культурно-языковом пространстве, их ассоциативные связи, ядро номинативного поля концепта и периферия с опорой на прямые и переносные значения слов и фразеологизмы, объективирующие исследуемый концепт, выделены понятийная, образная и ценностная составляющие концепта.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологический аспект, номинативное поле, образный и оценочный компоненты, национальный менталитет.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что эмоциональный поведенческий концепт *маст исын* (мстить) и связанное с ним понятие *туг исын* (мстить по обычая кровной мести) входят в осетинской лингвокультуре в ряд тех ключевых культурных концептов, в которых содержится представление о ряде этических, морально-нравственных ценностей, важных для носителей языка. В этой связи следует изучить их универсальные и национально-специфические особенности. В осетинском языко-знании мало работ, посвященных изучению культурных концептов осетинского языка, что затрудняет исследование этноспецифики концептов, создание концептосферы осетинского языка, понимание содержания языковой картины мира народа.

Для достижения указанной цели исследования ставятся следующие **задачи**: изучить языковые единицы, объективирующие исследуемый концепт в современном осетинском языке; дать представление о различных составляющих концепта (понятийной, образной, ценностной) и о содержании номинативных полей; раскрыть этнокультурное и универсальное в содержании концепта.

Материалом исследования послужили лексико-фразеологические единицы из языка осетинской художественной литературы, фольклора и устно-разговорной речи. При анализе иллюстративного материала используются различные методы исследования: наблюдения, описания, концептуального и контекстного анализа.

Полученные результаты могут быть использованы при чтении лекций и проведении практических занятий по лингвокультурологии, лексикологии, стилистике и культуре речи осетинского языка, при исследовании проблем коммуникативной стилистики художественного текста.

Результаты исследования

Концепт нами, как и С.Г. Воркачевым, понимается как «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, с. 22].

Концепт *маст исын* (мстить) национально специфичен, так как «отражает особенности культуры и мировидения» осетин как «конкретной лингвокультурной общности» [9, с. 5]. Он исторически является одним из универсальных этических понятий, диктующих традиционные для конкретной культуры нормы поведения.

Сюжет мщения, нанесения вреда врагу известен многим культурам, в том числе и осетинской. Он описан в осетинском нартовском эпосе, в героических песнях, преданиях, притчах, в осетинской художественной литературе. Например, месть «героя Батрадза за кровь отца – один из центральных эпизодов Нартовской эпопеи» [ИЭСОЯб, с. 312]. Это сказание «*Батрадз йæ фыды туг қуыд райста*» («Как Батрадз отомстил за смерть отца») [Н, кн. 1, с. 295]. Нарт Сослан мстит пернатым, проклиная их за то, что они не захотели ему помочь, чтобы известить Сатану о его беде [НК, кн. 2, с. 599], и т. д.

Мотивом к отмщению для нарта Батрадза стали упрек (*фидис*), укор (*цæстмæдард*), которые он услышал от женщины, чьего сына обидел: «*Мæ фырты бафхæрд дæуæн æңçon уыдис, æмæ, кæд ахæм нæртон лæг дæ, уæд дæ фыд Хæмыцы туг райс!*» («Легко было обидеть моего сына, но если ты такой нартовский мужчина, то отомсти за кровь своего отца Хамыща!»).

Унижено мужское достоинство Батрадза, что отразилось на его поведении: «*Уæд Батрадз сыстад қуывды астæуæй уæнтахъил, сæргуыбыраї...*» («Покинул пир тогда Батрадз с поникшей головой») (букв. подняв лопатки и повесив голову) [НК, кн. 3, 2005, с. 391]. Батрадз выполнил сыновний долг: совершил акт возмездия, но просит прощения за это: «*Уый тыххæй маенæн тæригъæд ма уæд!*» («Из-за этого пусть я не буду грешен!») [Н, кн. 1, с. 302].

Лингвокультурологический подход к исследованию концепта предполагает его рассмотрение в триаде – «язык, культура, человеческая личность» [1, с. 45], что и было предпринято в данной работе.

Маст исын (мстить (букв. злость брать)) – фразеологизм, образованный от существительного *маст* (горький, горечь; горе, неприятность, огорчение; гнев, злоба) и *исын* (брать) [ИЭСОЯа, с. 76]. С этим концептом по своему содержанию и функции неразрывно связан и концепт-фразеологизм *туг исын* (мстить по обычай кровной мести (букв. брать кровь)) [ИЭСОЯб, с. 309].

Известно, что коммуникативно-прагматические ситуации, приводящие к мести, в том числе и кровной, могли быть самые разные: обида (*зæрдæхудт*), упрек, порицание (*фидис*), замечание (*уайдзæф*), укор (*цæстмæдард*), оскорблениe (*æфхæрд*) и т. д. Но самой веской причиной мести становилась смерть близкого человека.

Так, поводом для кровной мести стал *фидис* (упрек) в рассказе А. Коцоева «*Сæумæрайсом*» («Ранним утром») [Коцойты, с. 40]. Отец примирился с родом, представитель которого убил его сына, то есть он поступил в соответствии с принятым в обществе обычаем (*æгъдау*). «Соблюдение *æгъдау* обеспечивается как внутренними

убеждениями индивида, так и принуждением со стороны всего общества (в противном случае индивид может быть подвергнут осуждению или даже бойкоту со стороны, например, сельской общины у осетин)» [4, с. 22–23].

Сосед в пылу спора оскорбил отца, поставив ему в вину то, что он простил своего кровника: «*Кæимæ дзурыйс, хæрæджы фырт?! – фæхъæр кодта сыхаг.* – Күyd uæндys ды ныхасмæ цæуын? Күyd uæндys ды мемæ дзурын? Даë фырты Күydзиты Батрадз фысау аргæвста... Райстай йын, мыййаг, йæ туг?.. Уæдæ цæмæн хъал ныхас кæныс?!» («С кем ты говоришь, сын осла?! – выкрикнул сосед. – Как смеешь ты появляться на нихасе? Как смеешь ты говорить со мной? Твоего сына, как барана, зарезал Кузиев Батрадз... Отомстил, может, за него? Тогда почему же смеешь вести надменные речи?»)²¹ [Коцойты, с. 41]. «Причинённая обида нарушает у человека внутреннее субъективное равновесие, может вступать в противоречие с самоуважением, представлением о себе и уважении других и т. д., что сопровождается не только агрессией, но и другими сильными отрицательными эмоциями» [8, с. 198].

Психологическое и эмоциональное состояние оскорбленного отца выражено в тексте в экспрессивных фразеологизмах и сравнении, формирующих ассоциативное поле концепта: *асастысты йæ уæнгтæ, йæ хъару* (он покойник (букв. сломались его конечности, его покинули силы), *асости йæ зæрðæ* (разбилось его сердце), *йæ царð их-сийы* (изнашивается его жизнь), *цырагъау судзы* (сгорает, как лучина) [Коцойты, с. 42]. Воздействие упрека (*фидис*), глажущего отца изнутри, передано через описание его внешнего вида: «*Рустæ мидæмæ бахаудтой, цæсгом фæлурс – цикъæйы хуызæн*» («Щеки впали, лицо белое – как ситец») [Коцойты, с. 43].

С темой отмщения в данном рассказе связана вера осетин в загробную жизнь. Отцу снится окровавленный сын, который просит отомстить за него, иначе ему нет места среди умерших: «*Райс мæ туг, кæннод мæ иннае мæрдтæ сæхимæ куы нæ уадзың!*» («Отомсти за меня, иначе меня другие умершие не пускают к себе!») [Коцойты с. 42]. Только месть может дать успокоение отцу и сыну, поэтому понятно его решение: «*Нæ, туг исын хъæуы!*» «Нет, надо отомстить!» (букв. взять кровь) [Коцойты с. 42]. Трагедия старого отца заключается в том, что отомстить кровникам должен его малолетний сын. По обычаю, «право и обязанность преследовать убийцу или примириться с ним, как правило, принадлежали ближайшему родственнику убитого» [2, с. 131].

В осетинской художественной литературе широко представлен обычай кровной мести. Так, в поэме А.З. Кубалова «*Æфхæрдты Хæсанæ*» («Афхардты Хасана») повествуется о судьбе юноши, который должен отомстить за смерть отца и за поруганную честь матери. Исполнения долга требует от него мать Госама: «*Ма ныууадз Мулдартаен ацы хæрамдзинад! Райс-иу Хъуыдайнатæй саударæг мады фхæрд... Кæннод даë цæрглейæ рухсы цыртт ма базон*» («Чтобы не простили это злодеяние Мулдаровым! Отомсти Кудайнату за оскорбление носящей траур матери... Иначе при жизни не видеть тебе луч света») [Кьюбалты, с. 33]. В понимании матери отмщение – это морально-нравственный закон, который следует исполнить. Сын принимает кровную месть как «принцип национальной культуры» [6, с. 284] и, следя ему, убивает кровников, но погибает и сам: месть не может привести к «восстановлению порядка, мира и согласия» [10, с. 22].

Цель угрозы бывает разной и не всегда переходит в месть, верbalная агрессия необязательно сопровождается осуществлением заключённого в ней содержания. В осетинском языке угрозы составляют самостоятельный речевой пласт. Угрожать могут

²¹ Переводы на русский язык сделаны автором статьи.

взрослым: «*Æз мæ фыдаен фыртæн наэ райгуырдтæн, дæуæн ацы æфхæрð куы ныббарон*» («Я не родился сыном для отца, если прошу тебе это оскорблениe»), детям: «*Фæлæуу, æз дын фенеын кæндзынæн*» («Подожди, я тебе покажу»); «*Мæнæ дæ дæ фыдыл сардауон*» («Вот я пожалуюсь твоему отцу»). С помощью угроз можно достичь желаемого результата только в том случае, если «адресат-объект декодирует послание, поскольку имеет общие с адресантом пресуппозиции» [10, с. 35].

Мы можем отнести исследуемый концепт к тем «ментальным сущностям, в которых отражается «дух народа» [3, с. 30]. Для описания структуры концепта *маст исын* (мстить) и связанного с ним ритуализированного действия *туг исын* (мстить по обычай кровной мести) строится *номинативное поле*, которое определяется как «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овещняющих) концепт в определенный период развития общества» [7, с. 66].

Номинативное поле состоит из единиц разных частей речи. Слова, образующие *ядро* и *периферию номинативного поля*, используются в прямом и переносном значении. Выявим прямые номинации концепта – ключевое слово и его синонимы (как языковые, так и контекстуальные). Это позволит построить ядро номинативного поля.

Синонимами к концепту *маст исын* (мстить) являются: *æфхæрын* (карать), *тыхми кæнын* (подвергать насилию, расправляться); *фиодон* (возмездие). Ассоциативные связи с этим концептом образуют и другие лексические единицы. Они формируют периферию номинативного поля: *знаг* (враг), *знаггад кæнын* (вредить), *æфхæрын* (обижать), *мастист* (месть), *маст кæнын* (горевать страдать), *маст калын* (возмещать (букв. проливать) зло), *маст хæссын* (держать (букв. носить) зло), *æлгъист* (проклятие), *æнаæуынодзинаад* (ненависть), *тæргай кæнын* (дуться); фразеологизмы: *зиан хæссын* (наносить вред), *фыдбылызы садзын* (доводить до беды), *мастай хъуырмæ кæнын* (доводить до белого каления (букв. до горла) [БРОС].

Антонимы к концепту *маст исын* (мстить) образуют, на наш взгляд, дальнюю периферию номинативного поля, так как указывают на противоположное действие и непосредственно связаны с семантикой исследуемого концепта: *ныббарст/прощение*, *барын* (прощать), *хатыр* (прощение), *хатыр кæнын* (прощать), *тæригъæдкæнындинзинаад* (пощада), *маст уромын* (сдерживать свой гнев) [БРОС].

Ядро концепта *маст исын* (мстить) в контексте понятия *туг исын* (мстить по обычай кровной мести) образуют следующие лексико-фразеологические средства: *туг фидын* (платить, возмещать за кровь), *маст тугæй æхсын* (гнев смывать кровью), *туг калын* (проливать кровь), *маст тугæй фидын* (за гнев платить кровью).

Ассоциативные связи с исследуемым концептом образует следующая лексика и фразеология: *туджджын* (кровник), *тугагур* (кровомститель = ищущий случая отомстить за кровь), *тугисæг* (мститель за кровь), *туджджыны цæстай кæссын* (смотреть как на кровника), *тугфидон уын* (быть должником крови), *ницæмæ дарын* (ни во что не ставить), *мæлæт æйяфын* (умирать), *туг дарын* (задолжать кровь), *туг ныхсын* (смыть кровь = отомстить и примириться) и др. [ИЭСОЯб, с. 309].

Для примирения кровников устраивали *туджы тæрхон* (суд крови). Виновный выплачивал *туджы аргъ* (цену крови = возмещение за кровь) и устраивал *туджы фынг* (стол крови) – накрывал стол для примирившихся сторон. Семье убитого в качестве платы за цену крови могли отдать земельный участок, который назывался *бонгæнд* (= то, что можно вспахать за один день), *туджы бонцау* (букв. участок за кровь). [ИЭСОЯб, с. 309].

Обычай кровной мести (*туг исыны агъдау*) и примирения кровников (*туджджынты бафыдауын кæныны агъдау*) в осетинском традиционном обществе яв-

лялись социальной нормой, с чем связаны языковые средства актуализации данного концепта [ИЭСОЯб, с. 312]. Как следует из проведенного анализа, в структуре исследуемого концепта четко различаются «образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты» [5, с. 118]. Данный национально-культурный концепт имеет важную эмоциональную поведенческую сущность, понятную носителю языка.

Выводы

1. Языковые единицы, репрезентирующие исследуемый концепт и образующие его ядро и периферию, представлены словами в прямом и переносном значениях и фразеологизмами.
2. Дальнюю периферию номинативного поля концепта могут образовывать антонимы.
3. Сущность концепта определяется совокупностью понятийного, образного и ценностного значений.
4. Этнокультурное содержание концепта заключается в том, что месть была мифологизированным действием, исполнение которого было обязательно.
5. Обычай мести в различных его проявлениях был лишь частью морально-нравственных норм, утвердившихся в определенных социальных условиях жизни народа (со временем их место занял закон).

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Степанова Ю.С. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Болтенкова И.Н. Традиции и обычаи народов Северного Кавказа и их воспитательное значение // Вестник Костромского государственного университета Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. Т. 14. – С. 129–134.
3. Воркачев С.Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. – Волгоград: Парадигма, 2013. – 167 с.
4. Дзадзие А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ: Издательско-полиграф. предпр. им. Гассиева В.А., 1994. – 284 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Кунавин Б.В. Концепт кровная месть в осетинской русскоязычной художественной литературе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2013. № 4. – С. 278–284.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
8. Рюмишина Л.И., Телесина О.Б. Месть как социально-психологический феномен // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9, № 5А. – С. 194–202.
9. Самитова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: автореф. дис ... д. филол. н. – Уфа: «Печатный домъ» ИП ВЕРКО, 2015. – 54 с.
10. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): автореф. дис. ... д. филол. н. – Волгоград, 2009. – 49 с.

Источники

1. Парсиеva Л.К., Гацалова Л.Б. Большой русско-осетинский словарь (БРОС). – Владикавказ: Респект, 2018. – 1296 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II (ИЭС-ОЯ). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. – 448 с.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III (ИЭС-ОЯб). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. – 358 с.
4. Коцойты А. Уацмыстæ. – Владикавказ: Ир, 2012. – 527 с.
5. Къубалты А.З. Уацмыстæ. – Владикавказ: Ир, 2014. – 287 с.
6. Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Кн. 1 (Н). – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 431 с.
7. Нарты каджытæ. Кн. 2. – Дзæуджыхъæу: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева (НК). 2004. – 896 с.
8. Нарты каджытæ. Кн. 3. – Дзæуджыхъæу: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева (НК). 2005. – 712 с.

Поступила в редакцию 14 августа 2023 г.

Принята 27 сентября 2023 г.

UDC 811.221.18

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-1-87-92

The Concept of *Mast Isyn* (Revenge) in the Ossetian Linguistic Worldview

M.T. Khudalova

K.L. Khetagurov North Ossetian State University; Russia, 362025, Vladikavkaz,
Vatutin st., 44–46; marihudalon@mail.ru

Abstract. The purpose of this work is to study the universal and ethno-cultural content of the emotional behavioral concept of *mast isyn* (revenge) and the related concept of *tug isyn* (blood revenge according to the custom of blood feud) in the Ossetian language picture of the world. They are considered in the linguoculturological aspect as an element of the axiological normative attitude of culture, fixed in the national mentality and communicative behavior of the Ossetians. The author reveals the essence of the concept from an ethical, social and linguistic point of view, describes representations in oral and colloquial speech, the language of artistic and folklore texts. *Mast isyn* (revenge) is one of the basic cultural concepts, in the content of which one can find a connection between national identity, language and culture of the people, as well as signs peculiar to other languages. The specificity of the content of the concept *mast isyn* (to take revenge according to the custom of blood feud) and the related concept *tug isyn* (to take revenge) in the Ossetian cultural and linguistic space, their associative connections, the core of the nominative field of the concept and the periphery based on direct and figurative meanings of words and phraseological units objectifying the concept under the study, conceptual, figurative and the value components of the concept.

Keywords: concept, linguistic and cultural aspect, nominative field, figurative and evaluative component, national mentality.

Received 14 August, 2023

Accepted 27 September, 2023